

Ю.М. ЛОТМАН

Воспитание души

*Воспоминания. Беседы.
Интервью*

*В мире пушкинской поэзии
(сценарий)*

*Беседы о русской
культуре.
Телевизионные лекции*

Санкт-Петербург
«Искусство—СПБ»
2003

Семиотика и сегодняшний мир¹

Среди революций, потрясавших человечество XX века, не последнее место занимает революция в науке. Мирное, постепенное течение научных знаний, количественное возрастание фактических сведений при неизменности самой системы, столь характерное для науки XIX века, сменились подлинным научным взрывом, изменением самых коренных принципов научного мировоззрения. Карта науки перекраивалась в XX веке с не меньшей интенсивностью, чем географическая: традиционно разделенные сферы сливались, образуя сочетания, немыслимые с точки зрения традиционной и общепринятой в XIX веке системы — классификации наук. Когда отец европейского позитивизма О. Конт строил свою классификацию наук, он расположил математику и социологию на крайних полюсах как наиболее отдаленные сферы познания. Такие сочетания, как биофизика или бионика (инженерная биология), ему, конечно, показались бы абсурдными. А что сказал бы он о математической лингвистике, о применении математических методов в археологии при дешифровке надписей на неизвестных языках или об опытах измерения информации, заключенной в произведениях искусства?

Наряду со слиянием традиционных наук происходило бурное выделение новых дисциплин. Одним из крупнейших событий научной жизни последнего двадцатилетия явилось появление кибернетики — «науки об управлении, регулировании и передаче информации в организме животного и в машине» (Н. Винер). Когда Винер в 1948 году обнаружил основные положения кибернетики, она показалась многим сомнительным и ненужным новшеством. Но прошло двадцать лет, и представить современный мир без кибернетики столь же невозможно, как, например, без счетных машин или полетов в космос.

Однако в самой основе кибернетики лежит мысль об изучении передачи информации. Внимание к этому вопросу побуждалось успехами и другой дисциплины — теории информации. Наблюдения над процессом передачи информации убедили в том, что между передающим и принимающим информацию обязательно должен иметься посредник — сигнал и код, который фиксирует значение этого сигнала. Так, например, если я хочу передать информацию о пожаре при помощи ударов в подвешенную рельсу, мне необходимо, чтобы эта рельса имелась и чтобы звук ударов был услышан тем, кому направляется информация (*сигнал*); однако нужно и другое: предварительная договоренность, что удары в рельсу означают пожар, а не обеденный перерыв или окончание работы (*код*).

Сигналы представляют механизм передачи информации и управления внутри механизмов и животных, при связях между человеком и механизмами (например, нажатие на кнопку включает машину) и человеком и животными (при помощи сигналов человек подзывает кошку или останавливает лошадь). Однако еще шире применяются сигналы внутри человеческого коллектива.

¹ Статья была написана для газеты «Rahva Hääl» в марте 1970 г., но была отвергнута редакцией. Публикуется впервые.

Здесь они образуют стройные системы с элементами, имеющими точные значения, — знаками. Знаки имеют поистине всеобщее значение в жизни человеческого коллектива. Уличные сигналы и слова человеческих языков, мундиры и ордена, вывески магазинов и произведения искусств — все это знаки и группы знаков, передающие человеку различную — качественно и количественно — информацию. Осознание общности столь различных сфер человеческой деятельности вызвало к жизни новую научную дисциплину — *семиотику*, науку о знаках и знаковых системах, их природе и функциях в передаче информации и организации человеческих коллективов. Но здесь ученые припомнили, что есть одна сфера знаковой деятельности человека, и притом важнейшая, в которой изучение знаков и знаковых систем продвинулось далеко и достигло таких успехов, которые превратили применение математических методов в реальную возможность. Это была структурная лингвистика. Воздействие этой дисциплины на семиотику было огромным. Бурное проникновение лингвистических методов анализа в изучение самых различных сфер передачи информации в человеческом обществе, которое породило в 1960-е годы целый поток научной литературы на самых различных языках, несмотря на неизбежные увлечения, в целом оказалось чрезвычайно плодотворным.

В настоящее время семиотика — молодая и энергично развивающаяся наука, достижения которой из области теоретических исследований все больше проникают в практику. Тем более уместно напомнить, что один из несправедливо забытых основоположников семиотики был эстонцем и принадлежал эстонской науке. В 1916 году в книге «Принципы философского языка. Опыт точного языкознания», выпущенной в Петрограде на русском языке эстонским ученым Я. Линцбахом, был сформулирован ряд основных положений семиотики. Книга не была замечена современниками, поскольку на много лет обогнала науку своей эпохи. В дальнейшем ее забыли. Лишь в 1965 году московский ученый И. И. Ревзин обратил на нее внимание. В рецензии, появившейся полвека спустя после выхода книги, опубликованной в «Трудах по знаковым системам» Тартуского государственного университета, он писал: «...Линцбах, совершенно независимо от Соссюра <Ф. де Соссюр — великий швейцарский лингвист, один из основоположников современной структурной лингвистики. — Ю. Л.>, выдвигает программу построения общей семиотики...» Свою рецензию И. И. Ревзин заканчивает словами: «...книга поразительна, как поразительна и сама личность автора. Он несомненно принадлежал к тем людям, которых он сам охарактеризовал в следующих словах: „По общему правилу среди тысяч и миллионов людей удерживают способность интуиции лишь те немногие, которых, смотря по материальным результатам их деятельности, считают либо чудаками, либо особенно одаренными и гениальными личностями. По сравнению с обыкновенными людьми это как бы дети, ибо их продолжает поражать и занимать то, что неспособно уже возбуждать какой-либо актуальный интерес у других...”»¹

Со времен Я. Линцбаха семиотика превратилась из гениальной догадки, суммы гипотез в развитую, обладающую и современной научной теорией,

¹ Ревзин И. И. О книге Я. Линцбаха «Принципы философского языка» // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1965. Вып. 181: Труды по знаковым системам. Т. 2. С. 341, 344.

и широкой областью практических применений исследовательскую дисциплину. В сферу ее компетенции входят и теория построения оптимальных искусственных языков (так называют искусственно создаваемые человеком знаковые системы, от знаков уличной сигнализации до «языков», употребляемых при программировании, алгебраических или химических записях или шифровке секретных документов), и теория языкознания, изучение способов контактирования с глухонемыми и космолингвистика — теория языковых контактов с существами, принципиально иначе устроенными, чем мы. В специальную область вычленилась зоосемиотика — изучение знаковых систем, функционирующих в коллективах животных. Представление о животных как «бессловесных существах» в настоящее время приходится оставить: животный мир нем не сам по себе, а лишь для нас, поскольку мы не владем его «языками». В этой области следует отметить труды американского ученого Т. Себеока. Ряд лет руководимая Б. А. Успенским лаборатория при Московском университете изучала знаки, используемые дельфинами. А недавно мы в Тарту на студенческой научной конференции слушали доклад московской студентки, изучавшей сигналы, которыми обмениваются кошки. Докладчица пришла к выводу, что у кошек действуют три «языка». Один — самый богатый по средствам выражения — предназначен для общения с подобными себе, второй — более упрощенный — для контактов с другими животными (в первую очередь, с собаками), третий, наиболее примитивный, своего рода жаргон, кошки обращают к людям, видимо приспособляясь к низкому, с их точки зрения, уровню интеллекта собеседников.

Изучая языки различных наук (так называемые метаязыки), семиотика сближается с логикой, общей теорией науки.

Особенно бурно развивается семиотика в последние годы как инструмент исследования сложных знаковых систем, функционирующих в человеческих коллективах, — семиотика культуры, семиотика живописи, поэзии, кино привлекает все большее число ученых. Человек учится понимать животных, готовится к контактам в космосе, но ему еще предстоит понять себя и тех, кто находится рядом с ним, понять, что значит вообще «понимать». Понимать понимание — означает понять непонимание: не случайно появление таких работ, как «Грамматика ошибок», исследований по механизму непонимания, дезинформации, расовых предрассудков. Они интересуют и педагога, и социолога, и историка.

Если один из пионеров семиотики принадлежал эстонской науке, то естественно, что и в настоящее время ученые Эстонии живо интересуются этими проблемами. Ряд актуальных исследований в этой области осуществляется в Тартуском государственном университете. Так, доц. Х. Рятсеп и руководимая им группа молодых ученых уже ряд лет занимаются изучением проблемы генеративных грамматик — одной из наиболее актуальных областей современной теоретической лингвистики. Проведенная этой группой всесоюзная научная конференция и осуществляемые ею издания получили высокую оценку у научной общественности. Доц. И. Куль изучает ряд математических аспектов информатики — науки о теории поисковых систем — и исследует семиотику обучения. Большую активность развивают ориенталисты университета (П. Нурмекунд, Л. Мяль). Научная конференция ориенталистики

и сборник ее трудов, изданный университетом при участии ведущих ученых других республик, поставили ряд актуальных проблем семиотики культуры. На кафедре эстонской литературы Я. Пылдымяэ ведет исследования по системному описанию ритмико-фонологических уровней эстонского стиха. Ряд работ проводится и на кафедре русской литературы и русского языка. Здесь, в первую очередь, хотелось бы отметить исследования И. А. Чернова о семиотике фольклора и Б. М. Гаспарова (семиотика музыки, теоретические проблемы синтаксиса). В течение ряда лет на кафедре русской литературы читаются факультативные курсы по семиотике культуры, семиотике кино, теории художественных коммуникаций. Традиционными стали проводимые раз в два года Летние школы, на которые съезжаются ведущие ученые из многих городов Союза. Опубликовано ряд исследований.

Практические применения проводимых исследований многообразны, и перечислить их в данной статье не представляется возможным. Приведу лишь один пример: проф. А. Симоно (A. Simoneau), преподаватель Лицея Мохамеда V в Марракеше (Марокко), обратился к нам на днях за помощью в расшифровке системы условных знаков, встречающихся в наскальных рисунках позднего неолита Атласских гор. В настоящее время семиотическая группа кафедры русской литературы, совместно с рядом московских ученых, приступила к изучению этой проблемы.

Однако главное направление практических применений наших исследований, конечно, не в этом. В настоящее время ряд сотрудников кафедры исследует, что может дать применение новых научных методов национальным школам нашей республики, как повысить эффективность методов обучения, активизировать интересы учащихся. Работы эти имеют большое научное и практическое будущее. Но успех их в значительной мере зависит от притока свежих научных сил, в первую очередь за счет студенческой молодежи. И я хотел бы заключить настоящую статью обращением к тем учащимся эстонских школ, которые заканчивают средние школы в этом году и выбирают будущую специальность: на отделении русского языка и литературы Тартуского государственного университета вас ждет интересная в научном и актуальная в практическом отношении работа. Наука нуждается в вас. Она вас ждет.

Как говорит искусство?¹

Язык — средство общения, коммуникационная система. Для того чтобы речевое общение произошло, нужно, чтобы был отправитель сообщения (адресант), получатель (адресат) и текст сообщения — письмо, устная речь, Книга, магнитофонная лента. Но этого мало. Предположим, что мне прислали книгу на неизвестном мне языке. Есть и отправитель, и получатель сооб-

¹ Впервые напечатана на эстонском языке: *Kuidas kõneleb kunst?* // Noorus. 1970. Nr. 9. Lk. 46—47. На русском языке публикуется впервые.